

это «наша словесность», это достижения поэзии нового времени.

В той же статье «Опровержение на критики», отводя обвинение, выдвинутое критикой против «Графа Нулина» (безнравственность, демократизм, вульгарность языка), Пушкин свою творческую позицию мотивирует опытом предшественников — Фонвизина, Дмитриева, Державина. При этом он вспоминает «эротические стихотворения Державина, невинного, великого Державина». Так в опыт Пушкина входят анакреонтические песни Державина.

Статьи не были закончены, но тогда же был завершён роман «Евгений Онегин». В 8-й главе появились два, ставших хрестоматийно известными, стиха:

Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Обычно это комментируется прямолинейно биографически: имеется в виду лицейский экзамен в январе 1815 г.

С этим трудно согласиться. Начало 8-й главы носит программный характер: Пушкин определяет свой творческий путь в свете опыта последних событий — движения дворянских революционеров. И Пушкин открыто заявляет о своих связях с декабристами. Второй важной мыслью этих первых строф является мысль о его, Пушкина, преемственности. Вторая строфа, где говорится о Державине, дана не полностью: в её полном тексте вслед за Державиным говорится о Дмитриеве, Карамзине, Жуковском. Это лишний раз свидетельствует не о биографическом, а историко-литературном характере этой строфы. И тот факт, что Пушкин убрал имена других писателей и оставил одного Державина, лишь подчеркнул и укрупнил его мысль. «Заметил» и «благословил» — это точное обозначение преемственности, традиции. То обстоятельство, что передача эстафеты произошла при личной встрече, придавало этому событию лирическую окраску.

Публичное признание, что он, Пушкин, принял благословение Державина, было первым в 30-е годы принципиальным выступлением поэта на тему о своих традициях.

В последующие годы Пушкин будет с особой настойчивостью мотивировать свою творческую практику опытом своих предшественников, и Державина прежде всего. Одним из методов проявления этого замысла станет эпитафия. Важнейшее стихотворение «Осень» открывалось эпитафией из «Жизни Званской».